

Уильям Эджертон. Толстой и толстовцы

Date: 29 августа 2002 (январь 2000)
Пер: с английского Д. А. Карельского
Изд: "Новый мир", No 3, 1989
OCR: Адаменко Виталий (adamenko77@mail.ru)

Толстой и толстовцы

Публикация воспоминаний Бориса Васильевича Мазурина о толстовской коммуне "Жизнь и труд" в сентябрьском номере "Нового мира" – важный и отрадный шаг к давно уже назревшей переоценке общественного влияния Толстого. Теперь, когда "Новый мир" положил начало, вероятно, пришло время сделать наконец эту неизвестную главу в истории русской культуры полностью доступной советскому читателю.

Ни одно явление во всей истории европейской литературы не может сравниться с тем исполненным драматизма религиозным кризисом, духовным переворотом, который пережил Толстой в конце 70-х годов прошлого века, и с тем влиянием, которое его произведения, написанные после этого переворота, оказали не только на отдельных людей, но и на целые группы во всем мире.

Во многих странах делались попытки воплотить в жизнь толстовские религиозные принципы путем создания кооперативных сельскохозяйственных поселений. Большинство этих попыток – например, в Англии, Голландии, Венгрии, Швейцарии, США, Японии и Чили – потерпели неудачу главным образом из-за того, что их участники не имели практического опыта ведения сельского хозяйства (большинство их составляли пришедшие из городов интеллектуалы).

Если мы хотим правильно понять характер всемирного общественного влияния Толстого, нам необходимо освободиться от предвзятости и тщательно изучить его мысли о Боге, Нагорной проповеди, непротавлении злу силою – словом, все то, что можно назвать толстовской проповедью христианского анархизма. Западные ученые должны отбросить представление о религиозно-философских сочинениях Толстого как о причудливых заблуждениях великого во всех других отношениях художника. Советским же ученым следовало бы отказаться от истолкования поздних произведений Толстого только в политических и социальных категориях, без учета его религиозных взглядов.

Отношение Толстого к проблемам общества и государства можно понять лишь в свете его отношения к самой человеческой жизни, сформулированного в его работе "О жизни": "Видимая мною жизнь, земная жизнь моя, есть только малая часть всех моей жизни с обоих концов ее – до рождения и после смерти – несомненно существующей, но скрывающейся от моего теперешнего познания". Эта позиция не означает ухода от разрешения земных проблем; скорее она позволяет взглянуть на земные проблемы в иной перспективе. Она также объясняет, почему последователи Толстого не убоались ни пыток, ни смерти и не возненавидели своих притеснителей.

На протяжении истории человечества различные религиозные общины – не только толстовцы – пытались положить в основу своей жизни начала непротавления – индуисты в Индии, последователи Яна Гуса в Чехии, квакеры в Англии, меннонты в Германии и духоворы и молокане в России. Соседи и особенно правители тех стран, где протекала жизнь этих общин, нередко относились к ним с подозрением. Религиозные убеждения сектантов превратно истолковывались как имеющие политический характер, а их отказ носить оружие и участвовать в войне по религиозным мотивам расценивался как подрывная политическая деятельность.

Как правило, эти сектанты жили в странах, построенных на основе насилия, обладающих армиями для защиты границ, судами для соблюдения законов и полицией для поддержания общественного порядка; поэтому у них не было случая проверить, возможно ли управлять обществом без применения насилия. Редким исключением была пенсильванская колония, основанная в 1681 году английским квакером Уильямом Пенном в Северной Америке на земле, полученной им от английского короля. К "святому эксперименту" Пенна, как его называли, намного опередившему свое время, сочувственно отнеслись многие выдающиеся мыслители Западной Европы, в том числе Вольтер, но он продолжался немногим более жизни одного поколения. Эксперимент этот вызвал такой поток